

в Доме санитарной культуры. Оставляет смешанное чувство. Всё это красиво, но так мало вяжется с действительным положением. Нужно ли тратить столько средств и сил для красивого оформления? Чему должна учить и научить выставка? После осмотра выставки — поездка с нач[альником] Госсанинспекции для осмотра освобождённых от немцев мест. Удручает вид разгромленного Пулкова. Ужасны разрушения бывшей станции Александровка. Труд и созидательные творческие усилия поколений обращены в кучи развалин и хлама, в Детском Селе устояли только скелеты — стены, кое-где колонны архитектурных памятников. Всё вывезено, изломано, захламлено во дворцах. В Большом дворце, у церкви, — навоз от бывших здесь конюшен. Парки пострадали, но доступны восстановлению. Пока ещё не убраны мины. Нужно ли здесь восстанавливать жилфонд?

Омрачённое, близкое к отчаянию за человечество душевное состояние остаётся от всего этого зрелища безумных разрушений, от обращённых в мусор шедевров архитектурного искусства. ...Теперь совершенно очевидно при всяком направлении планировочных работ — восстановление, достройка зданий для их рационального использования: всё равно вода уже проведена, трамвай ходит, улица (Московское шоссе) замощена. Здесь должен при восстановлении остаться образец «линейной планировки».

Пушкин нужно восстанавливать под тем же углом, что и Московское шоссе, но самостоятельное значение Пушкина — это размещение в нём санаторно-курортных и некоторых научно-образовательных учреждений, устройство «городка для туберкулёзных» и др.

Первоочередные планировочные задачи в Ленинграде, однако, должны ни в какой мере не умаляться: рациональное использование территории центральных частей города, сосредоточение и окончание в кратчайшие сроки восстановительных благоустроит[ельных] работ здесь, в центре. Канализация центр[альных] районов; пустыри — обращать в скверы, под зелёные насаждения; упорядочение кварталов, внутренние зелёные резервы, обеспечение свободных пространств для детских, школьных, больничных и прочих учреждений; подвалы — ликвидировать, на 1 га — 750 жителей (самое большее 1 тыс.).

На этом я заканчиваю извлечения из моих записей в блокадных дневниках за 1941–1944 гг.

Дополнения к дневникам (1941–1945)

Приведённые в хронологической последовательности выдержки из более или менее случайных записей моих в дневниках периода блокады Ленинграда передают происшествия, обстановку и условия жизни того времени в том виде, как непосредственно тогда всё это воспринималось мною. В них были отражены впечатления, чувства, настроения, мысли, устремления и направления воли, которые тогда вызывались у меня условиями жизни — голодом, холодом, чувством оторванности от всей остальной страны, мас-

совым вымиранием людей в осаждённом городе. Теперь, когда я вспоминаю этот период по прошествии уже десятков лет, он встаёт передо мною не в виде нескончаемой томительной вереницы тяжких, мучительных переживаний, невыносимых беспросветных ночей и мрачных дней, полных лишений, неожиданных волнений, гаснущих надежд и падающих сил, не в виде мыслей, вызываемых картинами молчаливого горя и жалкой покорности беде, презренной пассивности, полного отсутствия разумной самостоятельности, а в виде обобщённого, последовательного потока событий и меняющихся условий, среди которых, не прерываясь, тянулась нить моей жизни, проявлялась личность, складывалась, формировалась направленность моих стремлений и действий, моих мыслей. Как известно, все понимали ещё в 1939 г., что Гитлер главный удар свой замышляет и неизбежно направит против Советского Союза, что только временно, пока он обеспечивает своё командное положение над Англией, он откладывает нападение на нашу страну. Тем не менее, когда по всей нашей западной границе, без всякого предупреждения, по правилам подлого разбоя, гнусного коварства гитлеровские полчища обрушились на нашу родину, когда фашистские самолёты стали громить Одессу и Севастополь, Киев и Минск, Псков и ряд коренных русских городов, — это произвело впечатление неожиданного бедствия. Меня, как и каждого, слушавшего по радио речь Молотова, охватывало желание немедленно действовать, искать возможности все свои силы отдать в распоряжение советских организующих и готовящих отпор сил. Действовать без промедления, невзирая на всё понимание огромности, безмерности надвигающихся ужасов. У молодёжи, у моего Илика это охватившее чувство нашло себе адекватное выражение в том, что, ни с кем не советуясь, он, как и другие студенты, поспешил записаться добровольцем в Советскую Армию¹. Я мог только напряжённо думать, как и в чём я могу приложить свои знания, свои силы, свою настойчивость, чтобы в чём возможно быть полезным для отпора. Отсюда напряжённое обдумывание мер для обеспечения санитарной безопасности, для поддержания условий питания населения, для подготовки необходимого санитарного персонала. Как председатель Ленинградского отделения Всес[оюзного] гиг[иенического] о[бществ]а, при единодушной поддержке всего правления Общества, я обратился к его членам с призывом взять на себя почин и приложить все усилия к проведению повсеместно санитарно-оздоровительных мер для предупреждения инфекций, для оздоровления условий быта и труда и, в особенности, для охраны здоровья детских групп. Мне казалось очень важным мобилизовать всё внимание, все силы Гигиенического общества вокруг санитарно-гигиенических задач, выдвигаемых и обостряющихся условиями военного времени. Но вслед за первым же собранием после начала войны было получено общее директивное указание о перерыве деятель-

¹ Добровольно ушёл вновь в авиацию крупный учёный, муж Зинаиды Захаровны — Арсений Владимирович Шнитников (он лётчиком воевал еще в Первую мировую и в Гражданскую войну); на второй день войны ушёл добровольцем друг и будущий муж Любочки Лев Спаринапте, прошедший всю войну на передовой. Оба они перенесли тяжёлые ранения.

ности нашего, как и всех других, Общества, чтобы не отрывать врачей от их военно-санитарных обязанностей.

В целях ускоренного выпуска врачей летние каникулы были отменены. В июле, августе, сентябре нужно было вести ежедневные занятия и читать лекции пятому курсу, чтобы подготовить ускоренный выпуск. В то же время организовались круглосуточные дежурства по очереди профессоров во 2-м Лен[инградском] мед[ицинском] институте. Через доктора С. И. Перкаля, ассистента каф[едры] соц[иальной] гиг[иены], ко мне обратилась дирекция фельдшерской школы с предложением организовать и проводить занятия по всем отраслям здравоохранения и санитарного дела для экстренного выпуска фельдшеров (на Б. Проспекте Петербургской стороны), чтобы подготовить их к санитарно-профилактической деятельности в условиях военного времени. Наряду с помощником по кафедре С. И. Перкалем я непосредственно читал лекции и вёл занятия с несколькими циклами фельдшеров.

В июле и августе было широко организовано привлечение всего трудоспособного населения к рытью окопов в окрестностях Ленинграда и вообще к работам по созданию оборонительных сооружений (противотанковых рвов и пр.). Очень многие из этих окопных работ оказались напрасными; при быстром продвижении немцев вырытые окопы совершенно не могли быть использованы для организации наших позиций. Эти массовые тяжёлые землекопные работы имели роковое значение как одно из условий очень скорого наступления истощения населения и последующего массового вымирания от недостаточного питания. Каждое утро из служащих, преимущественно женщин, так как мужчины в большинстве были призваны в армию, во всех учреждениях формировались бригады, направлявшиеся на указанные им сборные пункты, откуда велась отправка на окопные работы. Дневной паёк далеко не мог покрыть расходов организма на пешеходное передвижение и тяжёлый труд.

Немецким самолётам очень рано удалось разрушить и поджечь главные продовольственные склады и холодильники Ленинграда. Ещё в жаркие летние дни непроницаемой и зловещей стеной встал подымавшийся высоко над горизонтом бурый и чёрный дым над разбомблёнными главными складами, а в это время население города всё увеличивалось и нарастало от тянувшихся на телегах беженцев из всех окрестных местностей, на которые надвигались немцы. Вывезенные в начале лета на дачи детские учреждения возвращались в город, и теперь их нужно было спешно вывозить из него в более отдалённые и безопасные районы. Их отправляли в Горьковскую область, в Приуралье.

После гибели главных продовольственных складов и определившегося продвижения немцев на Ленинград от Пскова началась эвакуация из Ленинграда населения, некоторых заводов и учреждений, но в это время оставшиеся пути для эвакуации уже сужались с каждым днём. Не прекращавшиеся бомбардировки с воздуха вызвали распоряжение о рытье укрытий подле домов. Жители всюду копали так называемые «щели» — глубокие канавы с земляным покрытием. Жившая с нами на «Полоске» младшая дочь с двумя своими сыновьями — двухлетним Алёшей и тринадцатилетним

Константином¹ решила в конце июля уехать из Ленинграда в Молотовскую область, где в длительной служебной командировке (в Пожве на Каме) находился её муж Лавр Алексеевич Быстреевский. Уезжала из Ленинграда также со своими двумя мальчиками — Андрюшей (8 лет) и Васей (5 лет) и средняя дочь — в Красноярск, куда эвакуировался из Ленинграда завод, где главным инженером был её муж Михаил Александрович Спицын. У меня ни на одну минуту не возникала мысль об эвакуации из Ленинграда. Мне казалось, что не может быть и речи о том, чтобы отделять свою судьбу от судьбы прочего населения города, от судьбы учреждений, в которых я работал (ГИДУВ, 2-й ЛМИ, Инст[итут] коммун[ального] хоз[яйства] и др.). Пытаясь теперь восстановить в моей памяти мои тогдашние, доходившие до сознания и подсознательные направления мысли, я прихожу к выводу, что у меня была какая-то стихийная уверенность, где-то не в логическом мышлении, а в каком-то смутном, упрямом и не сламливаемом настроении, что Ленинградом немцы не овладеют, а если такая катастрофа произойдёт, то это будет и моей личной жизненной бесповоротной катастрофой.

Пришлось подчиниться общим распоряжениям — выкопать «щель» и покрыть её метровой земляной насыпью. В оборудовании щели большую роль сыграл собиравшийся к отъезду Котик. Основой её послужила траншея, которую он со своими друзьями использовал, играя в «индейцев». Под руководством Арсения Владимировича Костя расширил и удлинил это укрытие, а я укрепил стенки досками и на полметра выше дна устроил помост, чтобы в случае подъёма грунтовой воды не приходилось бы сидеть в воде, и можно было бы её отливать.

Это, вообще, было сооружение, потребовавшее немало затрат сил и труда. Такую же щель при соседнем доме сделал проф. Оранский. Весь пустырь от трамвайных путей до проходной завода «Светлана» был вдоль и поперёк изрыт подобными же «щелями», только гораздо более капитально устроенными силами рабочих завода «Светлана». Как только вой сирен возвещал воздушную тревогу, повсюду по радио раздавался приказ всем немедленно укрываться в бомбоубежищах и в «щелях». Когда обстрел из орудий и воздушные налёты стали постоянным явлением, выполнение приказа о пребывании в укрытиях приводило к полной дезорганизации всей жизни в городе. Всякое сообщение о прорыве к городу немецких бомбардировщиков сопровождалось приказом об остановке всего транспорта и перерыве всех работ, так как все загонялись в убежища и укрытия. Независимо от бомбардировки это уже само по себе приостанавливало и дезорганизовывало всякую деятельность населения.

Продвижение немцев в направлении Пскова и Ленинграда было неожиданно быстрым. Ещё неожиданнее оказалось почти внезапное занятие немцами Детского Села совсем уже рядом с Ленинградом. До начала сентября я несколько раз после рабочего дня приезжал в Детское Село, чтобы оттуда вместе с Е[катериной] И[льиничной] ехать на свидание с Иликком, находившимся тогда во временных казармах. Под казармы обра-

¹ Захарий Григорьевич ошибается: в 1941 Алёше было 3 ½ года, а Косте — 15 лет. В 1943 г. , в 17 лет, окончив 9-й класс, Костя ушёл в армию.

щались школьные здания. Упражнения и военная подготовка проводились на полигонах, а к вечеру сформированные из добровольцев воинские части возвращались в отведённые казармы. На дворе школы мы ждали встречи с сыном. Двор был захламлён и завален кучами парт, школьных столов и другой утварью. 10 сентября билетов на проезд до Детского Села на вокзале уже не выдавали. Позднее я узнал, что в это время производилась спешная эвакуация из Детского Села санаториев и больничных учреждений. Екатерина Ильинична использовала предоставленный ей автотранспорт для вывоза всего оборудования и инвентаря детского санатория, но оставила на произвол судьбы всё своё личное имущество. Проехать в Детское Село уже было невозможно.

Екатерина Ильинична временно поселилась у Вишневых на ул. Восстания. К этому времени Илик был направлен в Военную электротехническую академию связи им. Будённого. Вместе с Екатериной Ильиничной я несколько раз навещал Илика в общежитии академии в октябре и ноябре до эвакуации этой академии из Ленинграда в Томск, а затем в Барнаул.

По мере продвижения немецких армий в направлении к Ленинграду и занятия ими его ближайших пригородов — Гатчины, Детского Села и др., всё более стихийно население совхозов и колхозов со своим имуществом и скотом на телегах и по железным дорогам спешно устремлялось в Ленинград. Это скопление населения вызвало расстройство во внутригородском транспорте и в снабжении продовольствием.

Трудности и лишения первой военной зимы в Ленинграде после его окружения, блокады немцами нашли достаточное отражение в приведённых выше выдержках из моих записей и дневников. Уже в ноябре смерть от истощения, от голода казалась мне неизбежной. В связи с этим мне хотелось, пока ещё оставалось сколько-нибудь сил, привести в порядок важнейшие из работ, которыми в течение многих лет я был занят, и которые оставались неизданными. Для того, чтобы попасть на кафедру или на лекцию в Мечниковскую больницу (в павильон № 33) или на Очаковскую улицу, где я читал лекции студентам 4-го курса, приходилось проходить пешком более чем 10 километров (и столько же обратно). В общей сложности это требовало не менее 4–5 часов пешеходного марша. При дополнительной затрате на 1 час марша не менее 160–180 калорий, это означало в энергетическом балансе необходимость покрытия дополнительных 600–800 калорий или в переводе на хлеб — дополнительных не менее 300–400 граммов хлеба, а вся выдача по первой категории составляла только 250–300 граммов хлеба в сутки. Это не могло обеспечить даже основного энергетического баланса.

В результате уже к середине декабря преодоление пешком всего пути стало не под силу. В это время уже приходилось быть свидетелем нередких случаев, когда по дороге падал пешеход (преимущественно это случалось с мужчинами), и оставался затем лежать мёртвым. В силу ослабления сердечной мышцы от общего упадка питания обморочное состояние переходило в смерть. При возвращении пешком домой 19 декабря в морозный вечер первый раз за это время я почувствовал головокружение и на время потерял сознание. Придя вскоре в себя и отлежавшись на снегу, я всё же благополучно дошёл домой через несколько часов. Но после этого, в

связи с массовыми случаями смерти пешеходов в пути, пришлось более серьёзно отнестись к развившейся у меня резко выраженной аритмии пульса, сильнейшему исхуданию (потеря более 20 кг веса) и весьма значительному отёку голеней. Всё это, в связи с моим возрастом — 72 года — и некоторым появившимся подсознательным страхом перед большими пешими переходами заставило меня оставаться дома.

В это время во 2-м ЛМИ, где я заведовал кафедрой социальной гигиены и организации здравоохранения, на всех кафедрах персонал был занят разборкой всего инвентаря, книг, учебных пособий и архивов. При этом более обширная часть упаковывалась для передачи на хранение на складах для эвакуации из Ленинграда, другая часть отбиралась с тем, чтобы в случае эвакуации Института, подвергнуться уничтожению. Разборка и сортировка музейных и архивных материалов требовала чрезвычайно внимательного и критического отношения, потому что многие, на первый взгляд, малоценные материалы (статистические карты о заболеваемости за прежние годы, формуляры по обследованию жилищ, рабочих бюджетов и т. п.) могли оказаться крайне необходимыми для кафедры при проведении практических занятий со студентами.

В осенне-зимние месяцы разборка всех музейных материалов затруднялась не только отсутствием достаточного числа сотрудников, но и обстановкой, в которой проводилась эта работа — в тесном, неотапливаемом, плохо освещённом помещении.

Тяжёлое истощение от голода, приводившее к смерти, раньше всего наблюдалось мною среди ходивших на окопные работы. Расскажу об одном, глубоко запавшем мне в память, случае. В студенческие годы моих дочерей (в 1920–1925 гг.) у нас на «Полоске» бывало довольно много их товарищей, студентов Политехнического, отчасти и Лесного институтов. Это были годы коренного перелома в исторических судьбах и путях развития нашей родины. Раскрывались и развёртывались ещё неясные, смутно разгадываемые перспективы окончательного глубокого социального переворота. Среди мелькавших передо мною различно окрашенных представителей студенческой молодёжи большую симпатию вызывал у меня задумчивый, всегда погружённый в искание правды и правильных путей студент-кораблестроитель Коля Крысов. Он часто приносил свои стихотворения, которые он называл «дифирамбами». Однажды ему был поднесён написанный мною акростих, отражавший его искания «высшей правды и справедливости»:

Корабль в море выплывает,
Окрылённый парусами.
Лоцман путь не твёрдо знает,
Якорь бросит меж скалами.

К утру море тише станет,
Разорвутся в небе тучи,
И на море кротко взглянет
Синева небес далёких.
О! тогда корабль могучий
Выйдет на простор широкий.

По волнам сердитым моря,
Озарённым блеском молний,
Это судно, с бурей, споря,
Тщётно «град взыскует горний».

После 1923 г. я как-то потерял из виду так часто бывавшего у нас до этого Колю Крысова. И вот в тяжёлую пору блокады, почти двадцать лет спустя, в октябре 1941 г. я вновь увидел его на «Полоске». Он зашёл не один, а с милым мальчиком. Это был его сын, оставшийся после смерти матери на руках у отца. Николай Ал. работал в научно-исследовательском Институте по кораблестроению. Он сохранил свой прежний облик задумчивого, ищущего правду интеллигента. Когда начались окопные работы, он ежедневно по наряду принимал в них участие. Крайне недостаточный для покрытия основных энергетических трат рацион вызвал у него очень скоро сильное истощение, тем более, что он делил со своим сынком всё, что было, и в результате он погиб от дистрофии уже в декабре 1941 г. Та же судьба постигла и его милого бедного сыночка, умершего вскоре после смерти отца.

Невыносимое отчаяние и боль вызывала совершенно очевидная бесплодность тех окопных работ, рытья противотанковых рвов, которые раньше, чем их успевали окончить, оставались неиспользованными в тылу у немцев, неожиданно занявших Детское Село и всю прилегающую местность ещё в сентябре. При невозможности снабдить направляемых на окопные работы уже ослабленных недоеданием людей достаточным рационом питания, очень важно было снять с них часть энергетических затрат на хождение туда и обратно пешком, организовав подвоз. К сожалению, это не было учтено. Никакие окопные работы не могли помешать бомбардировкам с воздуха, и, видимо, по заранее точно рассчитанному плану немецкими авиабомбами были, прежде всего, разрушены колоссальные холодильники и продовольственные склады. В жаркие дни конца лета над городом стояло зловещее облако густого чёрного дыма от горевших запасов масла, жиров и всех вообще продовольственных запасов. Нельзя забыть ошеломляющего впечатления, произведённого попаданием бомбы днём в госпиталь, только что открытый в не совсем ещё законченном огромном здании Института лёгкой промышленности на Суворовском (Советском) проспекте. Под развалинами разрушенного и сгоревшего дотла здания погибли несколько сот (говорили — более 700) принятых уже в госпиталь больных и раненых и весь медицинский персонал, включая врачей. Это было ещё задолго до начала блокады города.

В ноябре и декабре 1941 г., лишившись возможности регулярно добираться до кафедры из-за всё более частых воздушных тревог и остановки транспорта, я во всё большей мере сосредоточивал внимание на таких кафедральных работах, которые можно было выполнять, оставаясь у себя дома. Ассистент кафедры Т. С. Соболева два раза в неделю вместо работы в институте доставляла мне необходимые материалы. Со своей стороны, всё рабочее время и все часы, пока был дневной свет, я посвящал выполнению научно-исследовательской работы по тематике кафедры и, прежде всего, разработке темы «Исследование причин высокой ранней детской смерт-

ности в Ленинграде на основе анализа статистико-демографических материалов за последние годы и за прежние периоды». Отдавая этой работе по 6–8 часов в день, я сумел без помощи сотрудников построить все выводные таблицы и рассчитать показатели по материалам о родившихся и умерших в городе за 1939 и 1940 гг. и затем провести сравнительный анализ с соответственно построенными мною показателями за прежние периоды по Ленинграду и по другим странам. Затем в течение января–апреля 1942 г. я составил более 40 аналитических графиков преимущественно типа гистограмм с двумя шкалами: по оси абсцисс в абсолютных цифрах и по оси ординат — в процентах.

Работа моя над темой о ранней детской смертности, о путях и мерах к её снижению продолжалась и в период моей госпитализации вплоть до конца апреля, чередуясь по времени с работами над другими темами. Получив в апреле в библиотеке ГИДУВа статистические материалы за 1939–1941 гг., я дополнил свою работу параллельным рассмотрением американских данных по борьбе за снижение детской смертности в США.

Работа над темой о сбережении жизни детей и укреплении их здоровья, я не рассматривал её оторвано от особых условий военного времени. Всякие сомнения и колебания относительно своевременности разработки этой темы во время Отечественной войны и необходимости замены её темой непосредственного оборонного значения устранялись директивными указаниями в передовой статье газеты «Правда» от 24 марта 1942 г. В ней было сформулировано требование: «Как бы мы ни были поглощены войною, забота о детях, об их воспитании остаётся одною из главных наших задач. ...Нужна помощь нашей общественности, чтобы оградить наше юное поколение от последствий войны... Политически близорук, ограничен и просто болтун тот, кто хоть на минуту подумает, что сейчас не до детей. Рассуждать так сегодня, значит не видеть дальше своего носа, не жить интересами нашей родины».

Всесторонний анализ демографических материалов о рождаемости и детской смертности, в особенности ранней младенческой смертности в Ленинграде за последние предвоенные годы и за более длительные прежние периоды, показал, что первое наиболее глубокое воздействие, пагубное последствие войны, заключается в численном сокращении поколений, родившихся в период войны и вслед за нею — более чем вдвое вследствие падения рождаемости в период войны и повышения ранней детской смертности от нарушения уровня санитарно-бытовых условий жизни. Отсюда — вся острая неотложность намечаемой в моей работе системы мер по сбережению жизни и укреплению здоровья родившихся численно сокращённых «поколений войны» и настойчивой санитарно-профилактической работе советского здравоохранения по борьбе с заболеваемостью и смертностью для замедления режима смены поколений.

К маю, благодаря пребыванию в течение месяца в стационаре (в военном госпитале в ГИДУВе) здоровье моё настолько улучшилось (опали отёки на ногах и почти исчезла аритмия пульса), что при постепенном возобновлении трамвайного сообщения я мог регулярно бывать во 2-м ЛМИ два раза в неделю, остальные дни вёл работу на дому. Моя работа в помещении

кафедры во все последующие месяцы 1942 г. состояла в приведении, прежде всего, в порядок самого помещения, освобождения его от нагромождений архивных и музейных материалов: в разборке в течение мая–августа оставшегося после смерти ассистента кафедры С. И. Перкаля и перевезённого из его квартиры на кафедру весьма значительного накопленного им за 20 лет материала.

С июля я читал лекции студентам 3 курса по разделам общей гигиены. Лекции проходили в Актовом зале бывшего Пажеского корпуса, занятого под госпиталь.

В ответ на официальный запрос из Москвы о проведённой мной в блокадном Ленинграде научной работе с 1941 по конец 1943 г. я сообщил, что:

1. Начатая в 1941 г. работа «О причинах ранней детской смертности в Ленинграде» была в законченном виде представлена летом 1942 г. в научную часть 2-го ЛМИ для передачи в Наркомздрав СССР, а затем — в ноябре 1942 г. была доложена мною в научно-методическом бюро санитарной статистики.

2. В течение всего периода Отечественной войны я не прерывал работу над находившейся в печати моей книгой «Об удлинении средней продолжительности человеческой жизни и активной старости». Ввиду вынужденной в связи с началом войны отсрочкой печатания книги я заново написал предисловие, а также ряд дополнительных глав. В литературно-обзорной части книги добавлена глава об отношении к трагедии кратковременности человеческой жизни русских поэтов (Г. Р. Державин) и писателей (Л. Н. Толстой), о бессилии философского догматизма Л. Н. Толстого преодолеть противоречие между творческим устремлением и неизбежностью смерти и о диалектическом разрешении этого противоречия на почве развития социальной организации человеческого общества. В аналитической части книги добавлены вновь написанные главы: 1) о влиянии на среднюю продолжительность жизни ранней детской смертности; 2) об изменении структуры причин смерти в связи с удлинением средней продолжительности жизни и преобладанием среди умерших лиц более пожилых возрастов; 3) о демографическом содержании так называемых «законов населения» и 4) о необходимости рассматривать определение предстоящей продолжительности жизни в разных странах, для разных демографических и социальных групп населения лишь как первоначальную стадию исследования, лишь как нахождение масштаба для дальнейшего углублённого анализа, для измерения степени отклонений в реальных условиях жизни от найденной средневзвешенной продолжительности предстоящей жизни.

3. Третьей темой, разработкой которой я был занят в трудное время блокады, являлся вопрос «о задачах здравоохранения в борьбе с санитарно-демографическими последствиями войны». Сущность демографических последствий войны сводится к неизбежному нарушению, искажению возрастного-половой структуры населения и образованию так называемой «демографической ямы». Явления эти наносят ущерб санитарному состоянию населения, жизнеустойчивости его и правильному развитию процессов воспроизводства. Задачи здравоохранения вытекают из необходимости замедлить в период войны всеми доступными санитарно-профилактическими

мерами и лечебно-профилактическим обслуживанием населения режим смены поколений. Доклады на эту тему были сделаны мною на научной конференции 2 ЛМИ 12 декабря 1942 г. и на заседании Л[енинградского] о[тделения] Всес[оюзного] Гигиенич[еского] о[бществ]а весной 1943 г.

4. Много времени и труда было уделено мною разработке программы исследований влияния условий периода блокады Ленинграда на характер показателей состояния здоровья населения. Во всей мировой истории не было и не могло быть такой возможности для углублённого научного анализа связи изменений в состоянии здоровья населения с изменениями в условиях жизни в осаждённом крупном городе, с динамикой санитарно-демографических и хозяйственно-бытовых показателей, какая представлялась в Ленинграде в условиях планового хозяйства и всестороннего учёта всех социально-экономических и коммунально-бытовых факторов по месяцам. Разработанная мною обширная программа исследований в этой области была доложена мною в апреле 1942 г. на заседании Учёного совета Государственного института для усовершенствования врачей и осенью того же года на совещании научных консультантов Научно-методического бюро санитарной статистики.

5. В течение всего 1943 г. я работал также над построением и разработкой программы изучения проблемы обеспечения больниц и госпиталей Ленинграда необходимыми условиями для проведения в жизнь широко поставленной трудотерапии и системы занятости и функциональной дееспособности больных.

6. Систематической работой моей в условиях осаждённого Ленинграда была не только профессорско-преподавательская деятельность во 2-м ЛМИ, по заведованию кафедрой соц[иальной гигиены] и организации здравоохранения, и в Гос[ударственном] институте для усовершенствования врачей (ГИДУВ) по заведованию кафедрой жилищно-коммунальной гигиены, но и постоянное руководство деятельностью Ленинградского отделения Всесоюзного гигиенического общества, председателем которого я продолжал состоять, и обзор которого во 2-й год Отечественной войны был мною составлен.

Хронологический обзор деятельности должен строиться и обосновываться не на зыбкой почве восстановления по памяти последовательности фактических данных о протекшем периоде, а на определённой документации, на материалах записей, произведённых в процессе самого развёртывания работы. Ввиду особенностей условий, созданных блокадой, когда были нарушены формы регулярной работы и общения сотрудников, смерти и длительной болезни некоторых из них, нельзя было положить в основу настоящего обзора ни текущую отчётность членов кафедры о ходе их работы, ни ежедневные записи, ведущиеся в качестве установленных форм принятой регистрации. Некоторой заменой официальных документов служат отчасти мои личные ежедневные записи в тетрадях-дневниках для заметок, рефератов и отчётов, приведённые выше в выдержках.

С тяжёлыми воспоминаниями о глубоких нарушениях питания и здоровья населения Ленинграда в период блокады, о трагическом ущербе самой численности населения, который наносила массовая смерть людей, нахо-

дившихся в возрасте расцвета сил, и катастрофическое падение рождаемости, у меня связано также и воспоминание об ущербе науке о населении и его санитарном состоянии. Развитие социальной гигиены, науки о социальном здоровье, как функции условий социальной жизни после Октябрьской революции, было связано с учреждением и укреплением кафедры социальной гигиены, немалой заслугой которой было теоретическое обоснование социально-профилактического построения всего здравоохранения. И вот как раз именно в период войны и блокады путём бюрократического производства подрываются основные задачи названной кафедры. Циркулярным распоряжением Наркомздрава «кафедра социальной гигиены» переименовывается в «кафедру организации здравоохранения». Это изменение прочно вошедшего уже в жизнь в советский период названия кафедры имело целью поставить в центр внимания кафедры, выдвинуть на первый план в преподавании несколько другие вопросы — вопросы организации здравоохранения и практическое ознакомление студентов с устройством и формами деятельности лечебно-профилактических и санитарных учреждений. Фактически во все годы существования с самого своего открытия кафедра социальной гигиены 2 ЛМИ так именно и понимала свою задачу и ставила преподавание медикам социальной гигиены, как обоснование и систематическое освещение развития советского здравоохранения, его учреждений и всего строя и практики их деятельности. Изменение названия кафедры, разумеется, совершенно не должно было устранить из преподавательской и научно-исследовательской её работы всё основное содержание социальной гигиены, как науки о зависимости санитарного состояния населения от условий социального порядка и, прежде всего, непосредственно от форм, объёма и характера лечебного и санитарно-профилактического обслуживания населения. В этом смысле социальная гигиена в советском государстве есть наука о теоретических основах советского здравоохранения. <...> Поэтому и после переименования приходилось все усилия направлять, чтобы по всему содержанию действующей программы кафедра фактически оставалась кафедрой социальной гигиены и организации здравоохранения.

Отдавая себе полный отчёт о неизбежности прекращения жизни в кратчайший срок в условиях блокады, я считал своим долгом привести в возможно большую ясность и порядок собранные за многие годы материалы, программы и написанные уже части задуманных, систематически продвигаемых мною больших научных работ. Задача состояла в том, чтобы облегчить возможность в дальнейшем использование начатых мною работ или их продолжение кафедрами организации здравоохранения, социальной гигиены и истории медицины. В декабре и январе работа по выполнению этой задачи была настолько продвинута, что оказалось возможным подробно ознакомить ассистента кафедры Т. С. Соболеву с планами и собранными в отдельные папки материалами по двум крупным разрабатываемым мною темам:

Первая. «От приказной медицины к земской медицине и от общественной медицины к социальной гигиене и советскому здравоохранению». Работа эта намечалась мною в двух томах. Подробная программа разработана

для 18 глав первого тома и для 17 глав второго. В числе материалов к этой работе собраны, между прочим, письма и очерки деятельности выдающихся строителей земской, общественной и советской медицины и многочисленные оттиски и рукописи уже подготовленных мною частей работы.

Вторая. «Санитарно-демографический очерк Ленинграда за полстолетия (1892–1942 гг.)» В соответствии с составленной подробной программой эта работа должна была объединить и систематизировать все напечатанные и подготовленные к печати мои труды по этой теме, начиная от вышедшей в 1916 г. книги «О реорганизации врачебно-санитарного дела в Петербурге», вышедшей в 1924 г. книги «Петроград периода войны и революции» (санитарно-демографический очерк), изданной в 1928 г. книги «Население и благоустройство Ленинграда» — и кончая работами о санитарно-демографических показателях населения Ленинграда и их социальной обусловленности, которые печатались в 1930–1934 гг.

Попутно при приведении в порядок моих бумаг я подготовил для передачи в Отдел рукописей Публичной библиотеки имени Салтыкова-Щедрина переданные мне, как заведующему кафедрой общественной медицины, в 1922 г. «Мемуары» известного общественно-медицинского деятеля И. А. Дмитриева, памяти которого была посвящена в 1926 г. моя книга «Общественная медицина и социальная гигиена». В самом конце декабря 1941 г. я составил для Отдела рукописей Публичной библиотеки сопроводительную записку об авторе «Мемуаров» и их литературно-исторической ценности.

Ко второй половине января 1942 г. истощение от голодания стало проявляться у меня в такой тяжёлой форме, что это повело к помещению меня в госпиталь для дистрофиков, открытый в бывшей гостинице «Астория». В этот госпиталь я был помещён благодаря заботам о сохранении профессорско-преподавательских кадров со стороны дирекции и парткома 2 ЛМИ. К сожалению, в тот период, когда я поступил в этот стационар, ввиду полной организационной беспомощности администрации госпиталя и неурядиц, царивших в нём, условия пребывания там были безысходно тяжёлыми. О них довольно подробно говорится в моих дневниковых записях. ...Сохранить жизнь мне посчастливилось исключительно благодаря самоотверженным заботам обо мне моей дочери, приходившей пешком из Лесного, чтобы принести мне котлетки из мяса погибшей от голода нашей собаки-овчарки, заботам бывшего аспиранта и ассистента кафедры социальной гигиены 2 ЛМИ доктора медицинских наук Е. Э. Бена, и особенно Н. А. Никитской, приносившей мне грелки и горячий кофе во время двукратного заболевания моего, казалось, безнадежно смертельного в моём возрасте (73 года) гемоколитом. Но пока здоровье в какой-то мере позволяло мне, я в течение месячного своего пребывания в стационаре составил и передал заведующему Горздравотделом записки о неотложности изменений и улучшений в организации стационаров-оздоровителей для дистрофиков и две записки о мерах для предупреждения и ослабления угрозы развития весной и летом массовой заболеваемости в Ленинграде. В феврале в общей комнате пребывания для оздоравливаемых я прочитал две лекции по вопросам санитарно-демографических исследований и три лекции о проблеме удлинения жизни и активной старости.